

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 330-342
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.330

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Development of Scientific Research and Scientific Institutions in the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries

Yulduz A. Ergasheva ^{a, *}, Xurshid O. Xosiyatov ^a, Baxrom N. Uzakov ^b, Faxriddin U. Samarov ^c

^a Karshi State Technical University, Republic of Uzbekistan

^b Shakhrisabz State Pedagogical Institute, Republic of Uzbekistan

^c Karshi International University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the formation and development of science and scientific institutions in the Turkestan region in the second half of the 19th and early 20th centuries, a period of active integration of the region into the administrative and intellectual space of the Russian Empire. It focuses on institutional forms of scientific activity, the mechanisms of interaction between the colonial administration and the academic community, and the contribution of Russian and local scholars to the formation of the regional scientific space. Based on archival materials, including documents of scientific societies, expedition reports, official correspondence, and statistical reviews, supplemented by published works by Russian and foreign researchers, the main areas of scientific research, including geography, ethnography, archaeology, history, and the natural sciences, are reconstructed. Particular attention is paid to the activities of scientific societies, primarily the Turkestan branch of the Imperial Russian Geographical Society, as well as the role of expeditionary practice in the accumulation and systematization of knowledge about the region. It is shown that local scholars acted not only as informants but also as active participants in the scientific process, making a significant contribution to the collection, interpretation, and preservation of scientific data. The article concludes that the development of science in the Turkestan region was the result of the interaction of imperial scientific initiatives and local intellectual traditions, which contributed to the institutionalization of scientific research, the formation of a holistic scientific infrastructure, laying the foundations for the further development of science in Central Asia and its inclusion in the pan-imperial and international scientific space.

Keywords: Turkestan region, science, statistical committees, archaeological societies, library, imperial modernization, scientific infrastructure.

1. Введение

История формирования науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века занимает особое место в изучении социально-культурных процессов на территории Центральной Азии. Включение региона в административно-политическое пространство Российской империи сопровождалось не только трансформацией системы управления, но и активизацией научной деятельности, направленной на комплексное изучение природных условий, населения, хозяйства и историко-культурного наследия края. В этих условиях наука становилась важным инструментом интеграции региона в общеимперское интеллектуальное пространство, одновременно выступая каналом взаимодействия между центральными академическими структурами и местной интеллектуальной средой. После включения региона в

* Corresponding author

E-mail addresses: yuae63@gmail.com (Yu.A. Ergasheva), xurshid3107@gmail.com (X.O. Xosiyatov), uzakovbn@gmail.com (B.N. Uzakov), samarovfaxriddin07@gmail.com (F.U. Samarov)

состав империи научное освоение края получило системное развитие, что выразилось в создании научных обществ, кружков, специализированных учреждений, а также в активной деятельности русских и отечественных ученых-востоковедов, этнографов, археологов и географов. В эти годы наука в Туркестане выступала не только как форма накопления знания, но и как инструмент управления краем и механизм культурной интеграции в условиях колониальной политики. Одновременно происходило становление местных просветительских инициатив, что отражало сложный характер научного развития региона как зоны пересечения имперских и автохтонных культурных проектов. Научное освоение края сочетало элементы колониальной политики и просветительской миссии. Первые административные органы – статистические комитеты, музейные собрания, архивы – становились не только инструментом учёта, но и площадкой для формирования научных знаний о регионе. Эти процессы протекали под патронажем генерал-губернаторов, офицеров и миссионеров, а также при участии местных интеллектуалов, способных соединить восточную традицию и европейскую методологию. Несмотря на наличие значительного массива работ, посвящённых отдельным экспедициям, научным обществам или биографиям отдельных исследователей, проблема комплексного анализа взаимодействия русских и местных ученых в контексте становления региональной научной инфраструктуры до настоящего времени остаётся недостаточно разработанной и остаётся актуальной. Особую значимость приобретает анализ вклада местных ученых, переводчиков, экспертов и информаторов, которые не только обеспечивали эмпирическую базу исследований, но и оказывали существенное влияние на формирование исследовательских программ и интерпретацию полученных данных. Их участие способствовало адаптации академических методов к региональной специфике и формированию устойчивых научных коммуникаций. Таким образом, формирование научной инфраструктуры в Туркестане можно рассматривать как проявление имперской модернизации, где управление и познание развивались параллельно. В этом контексте наука в Туркестанском крае предстает как результат сложного взаимодействия имперских научных инициатив и локальных интеллектуальных традиций, что требует более взвешенного и источниковедчески обоснованного анализа.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют разноплановые архивные и опубликованные материалы, позволяющие реконструировать процессы формирования науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века. Ключевое место среди использованных источников занимают документы Национального архива Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Узбекистан), включающие материалы административных ведомств, научных обществ, учебных заведений и экспедиционных комиссий. В работе привлечены делопроизводственные документы генерал-губернаторской канцелярии, отчёты статистических комитетов, протоколы заседаний научных обществ, переписка должностных лиц с академическими учреждениями Санкт-Петербурга и Москвы, а также сметы и отчёты о финансировании научных мероприятий, которые содержатся в архивных фондах: И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), И-47 (Управление учебных заведений Туркестанского округа), И-717 (Совет Туркестанского генерал-губернатора), И-5 (Управление начальника Зерафшанского округа), И-18 (Правление Самаркандской области), а также в ряде других фондов данного архива. Особое значение имеют материалы, отражающие участие местных ученых и экспертов в научной деятельности: докладные записки, переводы рукописей, полевые дневники, этнографические описания и рецензии на научные труды, подготовленные при содействии представителей коренного населения. Эти источники позволяют выявить формы и степень вовлеченности местных интеллектуалов в исследовательские практики и оценить их вклад в развитие региональной науки.

Дополнительную группу источников образуют опубликованные материалы конца XIX – начала XX века: отчёты Русского географического общества, труды Туркестанского отдела РГО, издания востоковедческих и археологических комиссий, а также публикации отдельных исследователей, основанные на результатах экспедиций. Они использовались в сопоставлении с архивными данными, что обеспечивало проверку достоверности и выявление расхождений между официальной отчётностью и реальной исследовательской практикой.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и научной объективности, предполагающих рассмотрение изучаемых явлений в их развитии и в контексте конкретных социально-политических условий эпохи. Применение историко-системного метода позволило проанализировать науку в Туркестанском крае как целостную совокупность институтов, практик и акторов, связанных между собой административными, научными и личными коммуникациями. Историко-генетический метод использовался для выявления этапов становления научных учреждений и изменения форм научной деятельности в зависимости от трансформации колониальной политики.

Важную роль в работе сыграли сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, позволившие сопоставить деятельность различных научных обществ и экспедиций, а также проследить эволюцию исследовательских приоритетов во времени. Для анализа роли отдельных

ученых и коллективов применялись элементы просопографического подхода, что дало возможность выявить типичные модели научной карьеры и формы взаимодействия русских и местных исследователей. Дополнительно применялись элементы компаративного анализа, что позволило определить как общие тенденции институционализации науки, так и региональные особенности, обусловленные культурной, этнографической и природной спецификой Туркестанского края.

Комплексное использование указанных материалов и методов обеспечило многоуровневый анализ развития науки в Туркестанском крае и позволило перейти от описания отдельных фактов к обобщению структурных закономерностей формирования региональной научной инфраструктуры.

3. Обсуждение

Изучение науки и научных учреждений Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX века прошло несколько этапов, отражающих как эволюцию исторических подходов, так и смену исследовательских парадигм. Историографический анализ позволяет проследить, каким образом в разные периоды осмысливались роль русских и местных ученых, деятельность научных обществ и экспедиций, а также институциональные механизмы формирования научной инфраструктуры региона в условиях колониального управления. Первые работы, относящиеся к колониальному периоду, формировались в русле практических задач Российской империи и были тесно связаны с деятельностью военной и гражданской администрации. Наука в Туркестанском крае рассматривалась как инструмент познания и освоения территории, необходимый для эффективного управления, экономического развития и культурной интеграции региона. В дореволюционной историографии научная деятельность в Туркестане рассматривалась преимущественно через призму административных, статистических и исследовательских отчетов, подготовленных российскими военными, чиновниками и ориенталистами, совмещавшими управленческие и научные функции. Существенный вклад в формирование представлений о научном освоении края внесли труды К.П. фон Кауфмана — первого генерал-губернатора Туркестана, в официальных отчетах которого подчеркивалась необходимость систематического изучения природных ресурсов, населения, истории и культуры региона как основы эффективного управления. Аналогичный подход прослеживается в трудах И.И. Гейера (Гейер, 1908) и В.И. Масальского (Масальский, 1898), где географические, статистические и этнографические сведения рассматривались как инструмент рационализации колониальной политики. Значительное место в колониальной историографии занимает труд Н.О. Губаревича-Радобильского «Русские научные экспедиции в Средней Азии во второй половине XIX века» (Губаревича-Радобильский, 1904), в котором систематизированы маршруты, направления и результаты экспедиционных исследований. Автор подробно раскрывает организационную структуру экспедиций, методологию сбора материалов и формы взаимодействия русских ученых с местным населением, что позволяет рассматривать данную работу как одно из первых обобщений институционального развития науки в Туркестанском крае. Существенным источниковым корпусом выступают «Записки Туркестанского отделения Императорского Русского Географического Общества» (Записки ТТО ИРГО, 1872–1910), отражающие текущую деятельность научного сообщества, публикацию полевых наблюдений, картографических и этнографических материалов. Эти издания зафиксировали процесс формирования устойчивых научных практик и демонстрируют включенность Туркестана в общероссийское научное пространство. Особое значение в дореволюционной историографии имеют работы российских ориенталистов и учёных-практиков, принимавших участие в научных экспедициях и деятельности научных учреждений Туркестанского края. Работы Л.Ф. Мальца (Мальц, 1898), посвященные историко-этнографическим исследованиям края, расширяют представление о колониальной науке как о комплексной системе знаний, в которой сочетались географические, этнографические и лингвистические исследования. Автор подчеркивает роль местных участников экспедиций и показывает, что научные практики формировались не только «сверху», но и в результате взаимодействия с локальной интеллектуальной средой. В.В. Бартольд (Бартольд, 1963), исследуя историко-культурное развитие Средней Азии, подчеркивал значимость научных исследований для понимания социально-культурных процессов, одновременно фиксируя двойственный характер колониальной политики, сочетавшей модернизационные импульсы с элементами дискриминации коренного населения. В целом, колониальный этап историографии характеризуется накоплением обширного эмпирического материала и становлением научных институтов, однако он ограничен отсутствием критического анализа самой колониальной природы научной деятельности.

Советская историография интерпретировала колониальную науку главным образом в рамках классово-идеологической модели, акцентируя её зависимость от интересов царской администрации. Вместе с тем именно в этот период была проведена масштабная работа по введению в научный оборот архивных материалов, что создало основу для реконструкции деятельности научных обществ, экспедиций и отдельных ученых колониального времени. В трудах С.П. Толстова (Толстов, 1948), посвященных археологическим исследованиям в Средней Азии, раскрываются организационные и методологические аспекты экспедиционной науки, включая вопросы финансирования, кадрового состава и участия местных информаторов. В работах К.Е. Бендрикова (Бендриков, 1960)

подчёркивается неравномерность развития научной инфраструктуры, ограниченный доступ коренного населения к профессиональной научной деятельности и зависимость научных исследований от административных интересов метрополии. При этом автор, опираясь на широкий круг архивных источников, внёс значительный вклад в систематизацию сведений о научных учреждениях и экспедициях дореволюционного периода. Работы В.М. Массона ([Массон, 1966](#)) демонстрируют преемственность научных традиций и значимость туркестанских экспедиций, но также фокусируются преимущественно на отдельных дисциплинах, не затрагивая в полной мере структуру научных учреждений. Таким образом, советский этап историографии, несмотря на идеологические ограничения, заложил фундамент источниковедческой базы и систематизации данных о колониальной науке, однако роль местных ученых и институциональная специфика научных обществ рассматривались фрагментарно.

Качественно новый этап в изучении науки и научных учреждений Туркестанского края связан с постсоветским периодом. Исследователи получили возможность критически переосмыслить колониальное наследие, сместив акцент с идеологических оценок на институциональный и социально-культурный анализ. В работах А.С. Садыкова ([Садыков, 1990](#)) предпринята комплексная реконструкция научной инфраструктуры края, показаны механизмы функционирования экспедиций и научных обществ, а также участие местных специалистов в исследовательской деятельности. Д.А. Алимова ([Алимова, 2009](#)) акцентирует внимание на участии местной мусульманской интеллигенции в научных и просветительских инициативах, а также на трансформации научных практик в условиях модернизации конца XIX — начала XX века. Е.А. Смесо́ва ([Смесо́ва, 2010](#)) рассматривает библиотеки, музеи и духовно-культурные учреждения как важные элементы научной среды, обеспечивавшие включение местных интеллектуалов в научный процесс. Важный вклад в осмысление институционального развития науки внесли работы Н.А. Абдурахимовой ([Абдурахимова, 2014](#)), анализирующие роль научных учреждений в процессах социальной мобильности и формирования новых элит. Ф. Исхаков ([Исхаков, 2009](#)) рассматривает этнополитические аспекты научной деятельности, подчёркивая асимметрию участия коренного населения в научных обществах и институтах.

Отдельные аспекты политики царской администрации в Туркестанском крае, рассматриваемые через призму развития системы образования и её значения во внешнеполитических стратегиях империи, а также институциональные трансформации учебных заведений, способствовавшие аккумуляции научных знаний и постепенной интеграции местных ученых в общероссийское научное пространство, получили отражение в статьях Д.Ж. Уракова ([Uraikov et al., 2024](#)) и Ю.А. Эргашевой ([Ergasheva et al., 2025](#)). Современные узбекистанские исследования характеризуются системным и критическим подходом, в рамках которого дореволюционная наука рассматривается как социальный и институциональный феномен, а участие местных исследователей — как важный фактор адаптации и локализации научных практик.

Зарубежная историография дополняет национальные исследования, помещая туркестанский опыт в контекст глобальной истории науки и колониальных исследований. В монографии А. Моррисона ([Morrison, 2008](#)) показано, как научные исследования и экспедиции в Самарканде и Туркестанском крае в целом способствовали легитимации имперской власти и формированию устойчивых научных институтов. А. Каппелер ([Kappeler, 2001](#)), рассматривая Российскую империю как многоэтническое пространство, подчёркивает роль науки и научных обществ в интеграции окраин в единую имперскую систему знания. В целом, историография проблемы демонстрирует поступательную эволюцию подходов: от первичной эмпирической фиксации и институционального оформления науки в колониальный период — через идеологически окрашенную, но источниковедчески значимую советскую интерпретацию — к современному критическому и междисциплинарному анализу. Вместе с тем сохраняется дефицит комплексных исследований, синтезирующих деятельность русских и местных ученых, научных обществ и экспедиций в рамках единой институциональной истории науки Туркестанского края, что определяет актуальность настоящего исследования.

4. Результаты

Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. стало отправной точкой систематического научного освоения региона, обусловленного как административно-управленческими, так и познавательными потребностями Российской империи. На начальном этапе научная деятельность носила преимущественно прикладной и описательный характер, будучи тесно связанной с задачами военного управления, фискального контроля и хозяйственного освоения территории. Именно в этот период формируются первые представления о Туркестанском крае как о самостоятельном объекте научного знания.

Ключевую роль в зарождении научных исследований сыграли военные инженеры, топографы и врачи, находившиеся на службе в крае. Их отчёты, рапорты и путевые дневники содержали сведения по географии, климату, гидрографии, эпидемиологической обстановке и этнографическому составу

населения (НАУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 214. Л. 17–24). Эти материалы, несмотря на их утилитарный характер, заложили основу для последующих академических исследований.

Созданный в 1867 г. Туркестанский статистический комитет стал первой структурой, где соединялись элементы государственной статистики, этнографии и географии. Он осуществлял сбор демографических, климатических и экономических данных, организовывал экспедиции, проводил анкетирование местного населения (НАУз. Ф. 278. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–5). Комитет выработал методы наблюдения и анализа, которые позже легли в основу историко-географических исследований в регионе. Кроме того, комитет издавал «Сборники материалов для статистики Туркестанского края», где публиковались первые научные описания городов, климата и хозяйства (Майер, 1871: 12). Среди активных членов были К.П. фон Кауфман, Н.И. Веселовский, А. Лерх и В.Ф. Ошанин, чьи работы способствовали систематизации знаний о крае.

Важным элементом научной инфраструктуры стали библиотеки и музеи, прежде всего Ташкентский публичный музей и научная библиотека при канцелярии генерал-губернатора. Эти учреждения аккумулировали археологические находки, рукописи, статистические материалы и результаты полевых исследований, обеспечивая их сохранность и доступность для исследователей (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 311. Л. 6–18). Открытие в 1870 г. Туркестанской публичной библиотеки (впоследствии — Национальная библиотека имени Алишера Навои): с 1 700 книг в начале до 80 тыс. к 1917 году — важнейшего культурного учреждения края, заложило первые основы библиографической работы. Её организаторы преследовали цель не только пропаганды чтения книги, но и собирания, хранения восточных рукописей и материалов, касающихся исторического прошлого края. В Проекте культурной политики К.П. фон Кауфмана содержатся конкретные механизмы формирования публичной библиотеки: штатную структуру, бюджетные статьи, методические указания систематизации библиотечного фонда, регламентацию цензуры. В Проекте отдельно выделялся пункт, прямо отражающий идею сбора материалов об Туркестане в единую систему: «Каталог библиотечных фондов должен включать сочинения на русском, французском, немецком и английском языках, с приоритетом работ по истории и этнографии края» (НАУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 810. Л. 3). Восточный отдел библиотеки, где собирались рукописи арабского, персидского и тюркского происхождения, служил основой для становления востоковедения. Здесь действовали кружки по естествознанию и этнографии, обсуждались результаты экспедиций, формировались первые каталоги рукописей (Кун, 1881: 15–17; НАУз. Ф. 279. Оп. 1. Д. 32. Л. 22). Библиотека стала не только культурным, но и исследовательским центром, где развивались формы публичного знания.

В 1876 г. был основан Туркестанский публичный музей в Ташкенте, который к концу XIX в. превратился в научно-исследовательский центр, аккумулирующий археологические, нумизматические и этнографические коллекции (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 17. Л. 21–28). Музей активно взаимодействовал с научными обществами и учебными заведениями, формируя пространство научной коммуникации. Научные общества инициировали публикации, объединяющие материалы музеев и учебных заведений. Так, каталог археологических коллекций Ташкентского музея 1901 года включал результаты экспедиций, фотографии находок и пояснительные этнографические комментарии, составленные как русскими учёными (В.В. Бартольд, В.В. Радлов), так и местными экспертами (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 34). Подобные публикации выполняли несколько функций одновременно: они фиксировали научные данные, демонстрировали деятельность общества широкой аудитории и становились методологической основой для образовательных программ в школах и гимназиях.

Отсутствие государственных научных учреждений в крае побудило исследователей организовать по собственной инициативе ряд добровольных научных и просветительных обществ. Первое такое общество — Туркестанское отделение Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии было организовано в конце 1870 года при активном участии знаменитого русского зоолога и путешественника А.П. Федченко. В числе членов отделения были выдающиеся русские ученые — Н.А. Северцов, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин и др. В 1879 г. отделение опубликовало первый и последний выпуск своих трудов «Записки Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Среди четырех статей, помещенных в выпуске, заслуживает внимания статья Н.А. Северцова «Заметки о фауне позвоночных Памира». В результате работ экспедиции, организованной Обществом в 1878 г. под руководством В. Ф. Ошанина, были открыты хребет Петра Великого и ледник в истоках реки Мук-Су, названный экспедицией именем А.П. Федченко. Следует отметить, что труды крупнейших членов отделения Общества из-за отсутствия собственной полиграфической базы в Ташкенте печатались в центре. За неимением средств отделение переживало большие затруднения и примерно в 1893 г. было вынуждено прекратить свое существование. (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 4–9).

Особое значение имели экспедиционные исследования, организованные при содействии генерал-губернаторской администрации. В 1867–1873 гг. проводятся первые топографические и географические экспедиции под руководством офицеров Генерального штаба, результаты которых легли в основу картографирования Ферганской долины, Самаркандской и Сырдарьинской областей

(НАУз. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 4–9). Параллельно развивались этнографические наблюдения, фиксирующие социальную структуру, обычаи и формы традиционного знания местного населения.

Существенную роль на данном этапе сыграли востоковеды и ориенталисты. В.В. Радлов в 1868–1870 гг. осуществил полевые исследования в Семиречье и Южном Казахстане, собрав уникальный лингвистический и фольклорный материал (Радлов, 1887: 45–63). Его труды заложили основу научного изучения тюркских языков региона. Уже в 1870-е гг. в край направлялись комплексные научные экспедиции, включавшие геологов, ботаников и ориенталистов. Их деятельность была направлена на инвентаризацию природных ресурсов и сбор сведений о хозяйственном укладе местного населения (НАУз. Ф. 1. Оп. 3. Д. 47. Л. 12–15). В результате были созданы первые карты региона, собраны коллекции минералов и гербарии, часть которых впоследствии поступила в столичные научные учреждения.

На начальном этапе наука в Туркестанском крае развивалась преимущественно как «внешнее знание», продуцируемое приезжими специалистами. Однако уже в 1870–1880-е гг. отмечается начальное вовлечение представителей местной образованной среды — переводчиков, учителей медресе, знатоков восточных рукописей — в процесс сбора и интерпретации научных данных (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 97. Л. 42–45). Их участие способствовало более глубокому пониманию социокультурной специфики края и снижало уровень интерпретационных искажений.

Для картографирования и климатологического изучения края еще в 1867 г. была создана в Ташкенте первая метеорологическая станция, а через некоторое время возникла уже небольшая сеть таких станций: в Самарканде (1878 г.), Пянджикенте, Джизаке (1881 г.), Каттакургане (1901 г.) и другие. Обработка обширных материалов этих станций была подытожена Л.А. Молчановым, который составил впоследствии климатическую карту Центральной Азии (История Самарканда..., 1969: 343).

Период 1867–1880-х гг. характеризуется становлением эмпирической базы научных знаний о Туркестанском крае, формированием первичных исследовательских практик и созданием корпуса источников, ставших фундаментом для институционализации науки в последующие десятилетия. К концу XIX в. научная деятельность в Туркестанском крае вступает в качественно новый этап, связанный с формированием устойчивых научных институтов и обществ. Этот процесс был обусловлен как накоплением эмпирических знаний, так и осознанием администрацией необходимости их систематизации и научной обработки.

Важным элементом формирования научной инфраструктуры Туркестанского края стало учреждение в Ташкенте астрономической обсерватории в 1874 г. В соответствии с задачами, поставленными перед данным учреждением, основное направление его деятельности было связано с картографическим и геодезическим изучением региона, прежде всего с определением географических координат населённых пунктов и ключевых опорных точек. Указанные работы осуществлялись как традиционным методом перевозки хронометров, так и с применением телеграфной связи, что соответствовало передовым для своего времени научно-техническим практикам (НАУз, Ф. 70. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–11). Несмотря на крайне сложные условия проведения полевых работ, обусловленные слабым развитием транспортной инфраструктуры, отсутствием дорог и значительными расстояниями, сотрудникам Ташкентской обсерватории удалось достичь существенных результатов. В дореволюционный период ими было определено около 870 астрономических пунктов на территории современных республик Центральной Азии, что свидетельствует о масштабности и систематическом характере выполняемых исследований (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 61. Л. 18-27; НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 74. Л. 5-12). Наряду с выполнением прикладных задач, связанных с нуждами административного и военного управления, в деятельности обсерватории находило отражение и развитие собственно научных исследований. По инициативе отдельных сотрудников учреждения эпизодически проводились оригинальные научно-исследовательские работы, выходящие за рамки служебных заданий. Так, особого внимания заслуживает исследование И. И. Померанцева, посвящённое изучению фигуры геоида в Ферганской долине (1896 г.), а также труд Д. Д. Геденова, анализировавший изменения широты Ташкента в 1895–1896 гг., основанный на длительных сериях наблюдений (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 83. Л. 9-16; НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 88. Л. 21-28). Значительный вклад в развитие гравиметрических исследований внёс П. К. Залесский, который определил 145 гравиметрических пунктов, что являлось исключительно высоким показателем для дореволюционного периода, учитывая, что на всей территории бывшей Российской империи к тому времени было зафиксировано лишь около 400 подобных пунктов. Эти данные имели принципиальное значение для геофизического и геодезического изучения региона (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 96. Л. 14). Помимо этого, Ташкентская астрономическая обсерватория внесла весомый вклад в климатологическое и физико-географическое изучение Туркестанского края, осуществляя регулярные наблюдения солнечной активности, исследования переменных и новых звёзд, а также работы в области сейсмометрии. В совокупности данные направления деятельности способствовали интеграции Туркестанского края в общероссийское и международное научное пространство и закреплению за Ташкентом статуса одного из научных центров региона (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 102. Л. 8).

Параллельно происходило развитие специализированных научных направлений. В области востоковедения усиливается интерес к изучению истории, языка и письменных традиций народов Туркестана. Публикация и перевод местных хроник, вакуфных документов и правовых актов свидетельствуют о переходе от описательной этнографии к источниковедческому анализу (Бартольд, 1963: 41-57). Это, в свою очередь, способствовало повышению научного статуса исследований региона.

Институционализация науки сопровождалась расширением кадровой базы. В крае формируется круг профессиональных исследователей, для которых Туркестан становится не временным местом службы, а пространством длительной научной работы. Их деятельность поддерживалась административно и финансово, что отражено в сметах и отчётах генерал-губернаторства (НАУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 184. Л. 9-16). В целом, 1890–1900-е гг. стали периодом перехода от разрозненных исследований к системной научной деятельности, основанной на институциональных формах организации знания. К началу XX в. в регионе сложилась разветвленная сеть научных учреждений, включавшая общества, музеи, библиотеки и архивы, что свидетельствует о переходе от разрозненных исследований к системной научной деятельности.

Формирование научного знания о Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в. было в значительной степени связано с деятельностью востоковедов, археологов и этнографов, чьи исследования способствовали институционализации науки и расширению источниковой базы региональных исследований. Их работа выходила за рамки сугубо описательных задач и оказывала прямое влияние на формирование научных учреждений, музейных коллекций и исследовательских обществ.

Востоковеды сыграли ключевую роль в осмыслении историко-культурного наследия региона. Их внимание было сосредоточено на изучении письменных источников — хроник, юридических документов, вакуфных записей и эпиграфических памятников. Систематический сбор и перевод восточных рукописей осуществлялся при участии местных знатоков письменной традиции и при поддержке администрации генерал-губернаторства (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 121. Л. 9-17). Эти материалы поступали в библиотеки и архивы, формируя фундамент для дальнейших исторических и филологических исследований.

Существенную роль в сохранении, систематизации и распространении исторических знаний о прошлом народов и государств Центральной Азии сыграли научные и научно-популярные труды, а также мемуарное наследие российских востоковедов, археологов, естествоиспытателей и представителей колониальной и имперской администрации. Эти работы охватывали широкий круг проблем, включая вопросы этногенеза, языкового развития, семейно-бытовых обычаев и традиций коренного населения, а также освещали как отдельные события и персоналии далёкого исторического прошлого, так и реалии колониального периода. Важное место в этом корпусе источников занимают выполненные рядом исследователей переводы восточных письменных памятников и хроник, относящихся к истории и культуре Центральной Азии, что способствовало введению в научный оборот ранее малодоступных текстов и расширению источниковой базы исследований. Особое значение в данном контексте имеют фундаментальные труды В.В. Бартольда, заложившего основы критического изучения истории и культуры мусульманского Востока и Центральной Азии, исследования Е.Э. Бертельса, посвящённые литературному и интеллектуальному наследию региона, а также археологические и историко-топографические работы В.Л. Вяткина, сыгравшие ключевую роль в изучении памятников Самарканда. Существенный вклад в развитие научных представлений о прошлом края внесли также исследования В.Д. Городецкого и В.А. Шишкина, ориентированные на анализ материальной культуры и архитектурного наследия, а также труды А.Ю. Якубовского, в которых история Центральной Азии рассматривалась в широком евразийском контексте. Совокупность этих работ не только обеспечила накопление и сохранение значительного массива фактических данных, но и способствовала формированию научных подходов к изучению истории, культуры и общества Центральной Азии, оказав длительное влияние на последующее развитие как отечественной, так и зарубежной историографии региона.

Востоковеды, такие как В.В. Бартольд, внесли значительный вклад в изучение письменных источников и исторической географии региона. Его поездки в Туркестан в 1893 и 1896 гг. сопровождались сбором рукописей и анализом исламских учебных традиций (Бартольд, 1963: 201-215). Работы по истории городов Туркестана, социальным институтам и религиозной жизни региона способствовали переходу от колониально-административных описаний к аналитическим исследованиям, основанным на первоисточниках (Бартольд, 1963: 22-39). Именно в этот период закладываются основы научного востоковедения как самостоятельного направления в региональном контексте.

Важным этапом институционализации археологических исследований в Туркестанском крае стало объединение в 1895 г. местных любителей-археологов в Туркестанский кружок любителей археологии, который по праву рассматривается как первая научная организация общественного типа в регионе. В его состав вошли как представители местной интеллигенции, так и профессиональные исследователи и чиновники-ориенталисты, среди которых особую роль играли В.Л. Вяткин, А.А. Семёнов, Н.П. Остроумов и Н.И. Веселовский, В.А. Каллаур, А.А. Диваев (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 14. Л. 2-6). Деятельность Туркестанского кружка была сосредоточена на проведении археологических

исследований в ключевых центрах древней истории региона — Самарканде, Куль-Обе и Мерве, а также на изучении эпиграфических памятников и планировочной структуры древних городов. Заседания кружка и обсуждение результатов полевых работ фиксировались в протоколах, которые свидетельствуют о постепенном формировании профессиональных стандартов научного описания археологических находок и введении в научный оборот ранее неизвестных источников (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 27. Л. 9-11; Протоколы Туркестанского..., 1905: 12-15). Так, в отчёте за 1901 г. упоминалось, что за десятилетие кружком было собрано свыше 450 археологических артефактов, позднее поступивших в Ташкентский музей (Туркестанские ведомости, 1902, № 18: 3). Кружок стал важным центром краеведческого и археологического знания Туркестана, однако, как и в других областях научной деятельности колониального периода, организация исследований носила преимущественно инициативный и несистемный характер. Отсутствие чётких исследовательских программ и нехватка высококвалифицированных специалистов существенно ограничивали масштабы и глубину археологических работ. В результате основное внимание уделялось описанию и первичному изучению памятников архитектуры и материальной культуры, анализу письменных источников, а также разведочным обследованиям и рекогносцировке отдельных объектов; масштабные раскопки проводились лишь эпизодически (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 31. Л. 14).

Среди архитектурных памятников наибольшее внимание исследователей привлекали объекты Самарканда, рассматриваемого как ключевой центр историко-культурного наследия региона. Особое значение имела экспедиция, организованная Археологической комиссией в 1895 г. для комплексного изучения мавзолея Тимуридов Гури-Эмир с архитектурно-декоративной точки зрения. Итоги работы комиссии были опубликованы в 1905 г. в виде иллюстрированного альбома, ставшего важным источником по истории средневековой архитектуры Центральной Азии (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 44. Л. 19-26).

Несмотря на сравнительно ограниченный уровень технического оснащения и несовершенство методики археологических исследований дореволюционного периода, в результате деятельности Туркестанского кружка любителей археологии и связанных с ним инициатив был накоплен значительный массив первичных материалов. Эти исследования убедительно продемонстрировали, что культурные слои древних городов Центральной Азии, прежде всего Самарканда, содержат богатейший научный потенциал, ставший основой для дальнейшего развития археологической науки в регионе (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 60. Л. 15).

Археологические исследования стали важным элементом научного освоения края. Археологи, действовавшие в составе экспедиций или при научных обществах, проводили раскопки древних поселений, городищ и некрополей, выявляя материальные свидетельства многовековой истории региона. Отчёты о раскопках регулярно направлялись в центральные научные учреждения и публиковались в специализированных изданиях (НАУз. Ф. 94. Оп. 2. Д. 33. Л. 31-45). Собранные артефакты пополняли фонды региональных музеев, способствуя их превращению в научно-исследовательские центры. Так, А.Л. Вяткин в 1904–1908 гг. проводил исследования в Самарканде и Бухаре, где осуществил первые научные раскопки архитектурных комплексов эпохи Тимуридов (НАУз, Ф. 1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 1, 3, 4, 7, 8). Его работы способствовали становлению археологии как самостоятельной дисциплины в регионе. В.Л. Вяткин в ходе раскопок в 1908 г. обнаружил остатки знаменитой обсерватории Улугбека в Самарканде. Это открытие стало значительным научным событием и позволило существенно расширить представления о развитии астрономической науки и градостроительной культуры эпохи Тимуридов (НАУз, Ф. 1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 4). С.П. Толстов начал полевые исследования в Хорезме еще в дореволюционный период (1910–1916 гг.), заложив основы комплексного археолого-этнографического подхода, который был развит им в советское время (Толстов, 1948: 17-29). Несмотря на то, что основные публикации относятся к более позднему времени, истоки его научной школы уходят в дореволюционный период.

Археология способствовала не только накоплению знаний, но и институциональному развитию науки. Необходимость хранения, описания и экспонирования находок стимулировала создание музейных структур, разработку каталогов и формирование специализированных кадров. В документах канцелярии генерал-губернатора зафиксированы расходы на содержание археологических коллекций и оплату труда специалистов (НАУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 198. Л. 11).

Этнографы внесли существенный вклад в изучение социальной структуры, традиций и быта народов Туркестанского края. Их исследования основывались на полевых наблюдениях, интервью с местным населением и сборе предметов материальной культуры. Этнографические материалы использовались как в научных публикациях, так и в практической деятельности администрации, что подчёркивает прикладной и научный характер этих исследований (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 254. Л. 18-26). Особое значение имело участие этнографов в работе научных обществ и экспедиций. Их доклады на заседаниях Туркестанского отдела Русского географического общества способствовали распространению знаний о регионе и формированию междисциплинарного подхода к его изучению (Семенов, 1898: 51-68). Этнографические исследования нередко проводились в сотрудничестве с местными учёными, что усиливало научную достоверность и глубину анализа.

Взаимодействие востоковедов, археологов и этнографов обеспечивало комплексный характер научных исследований. Их совместная деятельность способствовала формированию целостного представления о Туркестанском крае как историко-культурном пространстве и укреплению научных учреждений региона. В результате наука в крае перестаёт быть исключительно инструментом колониального управления и приобретает признаки автономной исследовательской сферы, интегрированной в общеимперское и международное научное сообщество.

Ключевым событием стало создание по инициативе группы научных работников (В.Ф. Ошанина, С.И. Жилинского и др.) в 1896 г. Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ТОИРГО) в Ташкенте, учреждение которого нашло большую поддержку со стороны знаменитого русского географа П.П. Семенова, вице-председателя этого Общества. Отдел стал центром координации научных исследований, объединяя географов, археологов, этнографов и востоковедов (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-3) и стал площадкой для регулярного научного общения, публикации результатов исследований и организации экспедиций (НАУз. Ф. 1. Оп. 5. Д. 248. Л. 48). Через его работу происходила интеграция региональных исследований в общероссийское научное пространство.

Отдел развернул масштабную и систематическую деятельность в сфере естественно-исторического изучения Туркестанского края, охватывающую исследование крупнейших водоёмов региона, горных ледников, климатических условий, а также флоры и фауны. Существенное место в этой работе заняли изыскания, выполненные под руководством и при непосредственном участии Л.С. Берга. В период с 1899 по 1903 гг. учёный осуществил комплексные экспедиционные обследования Аральского моря и озера Балхаш, заложив основы научного изучения внутренних водоёмов Центральной Азии (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 214. Л. 12; НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 237. Л. 4-9). Результаты этих исследований были опубликованы в одиннадцати выпусках серии «Научные результаты Аральской экспедиции», которые представляли собой систематическую обработку собранных коллекций и материалов. В подготовке данных публикаций принимали участие ведущие русские натуралисты конца XIX — начала XX в., что свидетельствует о высоком уровне научной кооперации и институциональной зрелости исследований, проводимых в Туркестанском крае (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 241. Л. 22; НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 255. Л. 7). Завершающим этапом этой многолетней работы стала фундаментальная монография Л. С. Берга «Аральское море», в которой были обобщены результаты всестороннего изучения водоёма — от анализа геологической истории и гидрологического режима до характеристик биологических комплексов и историко-географических сведений, начиная с древнейших времён (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 268. Л. 31).

В рамках ТОИРГО регулярно организовывались экспедиции в Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую области. Так, археологические исследования А.А. Веселовского в 1895–1897 гг. в районе Афрасиаба позволили выявить слои античного и раннесредневекового Самарканда (Веселовский, 1906: 12-13). Экспедиции сопровождались созданием музейных коллекций и научных отчетов, публиковавшихся в «Записках ТОИРГО».

Зоологическими исследованиями занимался В.Ф. Ошанин (известный изучением полужесткокрылых); Н.А. Зарудный изучал птиц Туркестана, Б.А. Федченко и его мать О.А. Федченко исследовали флору. В результате этих работ в Трудах отделения Общества были опубликованы данные, характеризующие 80 новых родов, видов и подвидов растений и животных (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12). Землетрясения, происходившие на территории Туркестана, изучали Б.Я. Корольков, Г.Б. Леонов и др. С момента основания отделения Общества до 1917 г. вышло двенадцать томов Трудов, в которых отражены результаты деятельности отделения.

Кроме упомянутых обществ, существовали и другие, в частности Туркестанское отделение Русского технического общества, Туркестанское медицинское общество, Туркестанское общество ветеринарных врачей и др. Существенную роль в развитии сельского хозяйства Туркестана, особенно хлопководства и шелководства, играли Общества сельского хозяйства, опытные станции по районированию американских и новых местных сортов хлопчатника, а также по шелководству, периодически устраивавшиеся сельскохозяйственные выставки в Ташкенте и Самарканде (Исхаков, 2009: 206). Действовали так называемые Статистические комитеты, занимавшиеся статистико-экономической работой, Гидрометрическая часть для ведения учета водных ресурсов края и другие учреждения. Хотя работа этих учреждений носила в основном узкопрактический характер, однако оставленный ими значительный фактический материал имеет определенную ценность как исходная база для освещения многих вопросов, относящихся к исследованию Туркестанского края.

Особое значение для развития науки в Туркестанском крае имело постепенное вовлечение местных учёных в исследовательский процесс. В отличие от раннего этапа, когда они выступали преимущественно в роли информаторов, к концу XIX — началу XX в. представители местной интеллектуальной элиты начинают проявлять себя как самостоятельные участники научного знания. Местные специалисты постепенно становились полноценными участниками научных проектов. Учителя, муллы и ремесленники вносили данные об этнографии, лингвистике, флоре и фауне, которые становились предметом обсуждения на заседаниях Туркестанского отделения ИРГО (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 7). Так, под влиянием русских ученых, коллекционеров, научных обществ и кружков возникла группа любителей, собирателей древностей, среди которых выделяются имена

Мирзы Бухари Мирзы Абдуллина, Мирзы Барата Муллы Касымова, Мирзы Абдурахмана, А.А. Диваева и других. Так, заметной фигурой в среде собирателей и любителей старины был замечательный художник и каллиграф Мирза Барат Мулла Касымов, который срисовал с точным соблюдением деталей надписи медресе Шер-Дор, мечети Биби-ханум, мавзолеев Шахи-Зинда, мавзолея Гур-Эмир, а также надписи со скалы «Тамерлановых ворот» в Джизакском уезде. В 1886 г. Мирза Барат изготовил и представил на Ташкентскую выставку рукописный чертеж медресе Улутбека. Кроме того, он перевел с таджикского языка на узбекский известное сочинение Абу Тахира Ходжи Самарканди «Самария», который был опубликован Н.П. Остроумовым в 1884 г. в Ташкенте (*История Самарканды...*, 1969: 343-344). Примером интеграции является Ахмед Ходжа, который участвовал в этнографических маршрутах 1902–1905 гг., документируя местные обряды и диалекты. Его записи вошли в публикацию «Этнографические материалы Туркестанского края» (*НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 21–34*), закрепив участие местных специалистов в институциональной научной сети. Местные историки, филологи и знатоки рукописной традиции вносили существенный вклад в изучение региональной истории и культуры. Их работа по сохранению, комментированию и интерпретации письменных источников позволила расширить источниковую базу исследований и скорректировать европоцентричные интерпретации прошлого края (*НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 34*). Они участвовали в экспедициях в качестве переводчиков, информаторов и соавторов научных публикаций, что способствовало интеграции локальных знаний в академический дискурс (*НАУз. Ф. 58. Оп. 2. Д. 41. Л. 11*).

Взаимодействие русских и местных учёных носило сложный, но в целом продуктивный характер. Совместные экспедиции, участие в заседаниях научных обществ и публикации в региональных изданиях способствовали формированию межкультурного научного диалога. При этом местные исследователи нередко адаптировали европейские методы к традиционным формам знания, создавая синтетические исследовательские модели. Этот процесс стал важным фактором институционализации науки в регионе и подготовки кадров для последующего развития научных школ.

Важно отметить, что интеграция местных учёных в научное сообщество была тесно связана с развитием образовательных институтов — русско-туземных школ, учительских семинарий и библиотек. Эти учреждения становились пространством трансляции научных знаний и формирования новой интеллектуальной среды (*НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 339. Л. 12*). Таким образом, вклад местных учёных не ограничивался вспомогательными функциями, а являлся важным фактором становления региональной науки. Их деятельность обеспечивала культурную посредническую роль, способствуя интеграции Туркестанского края в общеимперское и мировое научное пространство.

Полученные результаты показывают, что научное освоение Туркестанского края во второй половине XIX — начале XX вв. представляло собой сложный, поэтапный и многокомпонентный процесс взаимодействия научной интеллигенции, административных институтов Российской империи и местных сообществ, в рамках которого формировались и институционализировались научные общества, кружки и специализированные учреждения, заложившие основу систематического знания о природе, населении и историческом развитии региона. Научная деятельность данного периода носила двойственный характер, сочетая стремление к объективному научному осмыслению края в области этнографии, археологии и естественных наук с обслуживанием практических задач колониального управления, что определяло специфику исследовательских практик и тематических приоритетов. Переход от описательно-эмпирического этапа к формированию устойчивого научного сообщества, в котором взаимодействовали российские и местные учёные, способствовал накоплению значительного массива научных данных, трансформации образовательных практик и включению Туркестанского края в систему международного научного обмена, а полученные в этот период результаты легли в основу последующих академических исследований XX в. и стали предметом осмысления в советской и постсоветской историографии.

5. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX вв. представляло собой сложный и неоднородный процесс, обусловленный сочетанием имперских управленческих задач, инициатив научной интеллигенции и локальной специфики региона. Формирование научного знания происходило в условиях колониального контекста, что предопределяло двойственную природу научной деятельности: с одной стороны, она была направлена на систематическое изучение природных, исторических и этнокультурных особенностей края, с другой — обслуживала практические потребности административного управления, хозяйственного освоения и территориальной интеграции региона в состав Российской империи.

Ключевую роль в институционализации научной жизни Туркестана сыграли научные общества, кружки и специализированные учреждения, выступившие посредниками между центральными академическими структурами и региональной исследовательской практикой. Их деятельность

способствовала консолидации разрозненных исследовательских инициатив, выработке единых методологических подходов и формированию устойчивых научных коммуникаций. Взаимодействие научных обществ с музеями, библиотеками, архивами и учебными заведениями обеспечивало сохранение, систематизацию и трансляцию знаний, а также подготовку кадров, что имело долговременные последствия для развития науки в регионе. Особенностью научного освоения Туркестанского края стало активное сочетание экспедиционных форм работы с кабинетными исследованиями, что позволяло аккумулировать значительный эмпирический материал в области археологии, этнографии, географии, естественных наук и востоковедения. Несмотря на ограниченность технических средств, недостаток квалифицированных специалистов и отсутствие целостной программы исследований, накопленные в дореволюционный период материалы, заложили фундамент для последующих академических обобщений. При этом участие местных интеллектуалов и знатоков традиционной культуры, хотя и носило эпизодический характер, способствовало расширению источниковой базы и углублению понимания региональной специфики.

Результаты исследования показывают, что научная деятельность в Туркестанском крае не может быть сведена исключительно к инструменту колониальной политики: наряду с утилитарными задачами она формировала автономное пространство научного поиска, включённое в общеимперский и международный научный контекст. Именно в этот период были заложены основы научных школ, музейных и архивных собраний, образовательных практик, которые в дальнейшем получили развитие в советское и постсоветское время. Осмысление данного опыта позволяет не только уточнить роль Туркестана в истории отечественной науки, но и по-новому оценить механизмы взаимодействия науки, власти и общества в условиях многонационального и культурно сложного региона.

Литература

- [Абдурахимова, 2014](#) – *Абдурахимова Н.А.* Социальная история Туркестанского края: вопросы образования и модернизации. Ташкент, 2014. 245 с.
- [Алимова, 2009](#) – *Алимова Д.А.* История как история, история как наука. Т. II: Феномен жадидизма. Ташкент, 2009. 170 с.
- [Бартольд, 1963](#) – *Бартольд В.В.* Очерки по истории Средней Азии. Москва, 1963. 374 с.
- [Бендриков, 1960](#) – *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане. Москва, 1960. 512 с.
- [Веселовский, 1906](#) – *Веселовский Н.И.* Отчёт о деятельности Туркестанского кружка любителей археологии за 1905 год. Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1906. 36 с.
- [Гейер, 1908](#) – *Гейер И.И.* Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1908. 308 с.
- [Губаревич-Радобильский, 1904](#) – *Губаревич-Радобильский Н.О.* Русские научные экспедиции в Средней Азии во второй половине XIX века. Санкт-Петербург, 1904. 289 с.
- [Записки ТТО ИРГО, 1872–1910](#) – Записки Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. Ташкент, 1872–1910.
- [История Самарканда, 1969](#) – История Самарканда. Т.1. Ташкент, 1969. 484 с.
- [Исхаков, 2009](#) – *Исхаков Ф.И.* Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 2009. 223 с.
- [Кун, 1881](#) – *Кун А.* Каталог восточных рукописей Ташкентской публичной библиотеки. Ташкент, 1881. 47 с.
- [Майер, 1871](#) – *Майер Н.А.* Статистический очерк Туркестанского края. Ташкент, 1871. 120 с.
- [Мальц, 1898](#) – *Мальц Л.Ф.* Историко-этнографические исследования Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1898. 312 с.
- [Масальский, 1898](#) – *Масальский И.И.* Отчет о состоянии народных школ в Туркестане. Ташкент, 1898. 127 с.
- [Массон, 1966](#) – *Массон В.М.* Археологические исследования в Туркестане. Ленинград, 1966. 276 с.
- [НАУз](#) – Национальный архив Узбекистана.
- [Протоколы Туркестанского..., 1905](#) – Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии за 1905 г. Ташкент, 1906. 32 с.
- [Радлов, 1887](#) – *Радлов В.В.* Очерки по этнографии Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1887. 155 с.
- [Садыков, 1990](#) – *Садыков А.С.* Наука и образование в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ташкент, 1990. 248 с.
- [Семёнов, 1898](#) – *Семёнов А. А.* О деятельности Туркестанского отдела Русского географического общества в 1897 году. Известия Туркестанского отдела РГО, № 2: 51-68.
- [Смесова, 2010](#) – *Смесова Е.А.* Русские духовно-культурные учреждения в Туркестане (XIX – начало XX вв.). Ташкент, 2010. 186 с.
- [Толстов, 1948](#) – *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1948. 327 с.
- [Туркестанские ведомости, 1902](#) – *Туркестанские ведомости.* 1902. № 18.
- [Kappeler, 2001](#) – *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Routledge, 2001. 275 p.

- Morrison, 2008** – *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
- Urakov et al., 2024** – *Urakov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B.* The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. // *Bylye Gody.* 2024. № 19(2). Pp. 750-762.
- Ergasheva et al., 2025** – *Ergasheva Yu.A., Raxmonkulova O.A., Abdullayev U.Sh., Samarov F.U.* Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries. // *Bylye Gody.* 2025. 20(3): 1355-1368.

References

- Abdurakhimova, 2014** – *Abdurakhimova, N.A.* (2014). Sotsial'naya istoriya Turkestanskogo kraya: voprosy obrazovaniya i modernizatsii [Social history of the Turkestan region: issues of education and modernization]. Tashkent. 245 p. [in Russian]
- Alimova, 2009** – *Alimova, D.A.* (2009). Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka. Tom II: Fenomen djadidizma [History as history, history as science. Volume II: the phenomenon of Jadidism]. Tashkent. 170 p. [in Russian]
- Bartold, 1963** – *Bartold, V.V.* (1963). Ocherki po istorii Sredney Azii [Essays on the history of Central Asia]. M. 374 p. [in Russian]
- Bendrikov, 1960** – *Bendrikov, K.Ye.* (1960). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane [Essays on the history of public education in Turkestan]. Moskva. 512 p. [in Russian]
- Ergasheva et al., 2025** – *Ergasheva, Y.A., Raxmonkulova, O.A., Abdullayev, U.Sh., Samarov, F.U.* (2025). Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody.* 20(3): 1355-1368.
- Geyer, 1908** – *Geyer, I.I.* (1908). Ves' Russkii Turkestan [All Russian Turkestan]. Tashkent. 308 p. [in Russian]
- Gubarevich-Radobil'skiy, 1904** – *Gubarevich-Radobil'skiy, N.O.* (1904). Russkiye nauchnye ekspeditsii v Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX veka [Russian scientific expeditions in Central Asia in the second half of the 19th century]. Sankt-Peterburg, 1904. 289 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2009** – *Iskhakov, F.I.* (2009). Natsional'naya politika tsarizma v Turkestane (1867–1917 gg.) [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent. 223 p. [in Russian]
- Istoriya Samarkanda, 1969** – *Istoriya Samarkanda* [History of Samarkand]. T. 1. Tashkent. 484 p. [in Russian]
- Kappeler, 2001** – *Kappeler, A.* (2001). The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Routledge, 275 p.
- Kun, 1881** – *Kun, A.* (1881). Katalog vostochnykh rukopisei Tashkentskoi publichnoi biblioteki [Catalog of oriental manuscripts in the Tashkent public library]. Tashkent. 47 p. [in Russian]
- Maier, 1871** – *Maier, N.A.* (1871). Statisticheskii ocherk Turkestanskogo kraya [Statistical essay on the Turkestan region]. Tashkent. 120 p. [in Russian]
- Mal'ts, 1898** – *Mal'ts, L.F.* (1898). Istoriko-etnograficheskie issledovaniya Turkestanskogo kraya [Statistical essay on the Turkestan region]. Sankt-Peterburg. 312 p. [in Russian]
- Masal'skii, 1898** – *Masal'skii, I.I.* (1898). Otchet o sostoyanii narodnykh shkol v Turkestane [Report on the state of public schools in Turkestan]. Tashkent. 127 p. [in Russian]
- Masson, 1966** – *Masson, V.M.* (1966). Arkheologicheskie issledovaniya v Turkestane [Archaeological research in Turkestan]. Leningrad. 276 p. [in Russian]
- Morrison, 2008** – *Morrison, A.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
- NAUz** – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Protokoly zasedanii..., 1905** – Protokoly zasedanii Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii za 1905 g. [Minutes of the meetings of the Turkestan circle of archaeology lovers for 1905]. Tashkent. 32 p. [in Russian]
- Radlov, 1887** – *Radlov, V.V.* (1887). Ocherki po etnografii Turkestanskogo kraya [Essays on the ethnography of the Turkestan region]. Sankt-Peterburg. 155 p. [in Russian]
- Sadikov, 1990** – *Sadikov, A.S.* (1990). Nauka i obrazovaniye v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Science and education in the Turkestan region (second half of the 19th – early 20th centuries)] Tashkent. 248 p. [in Russian]
- Semyonov, 1898** – *Semyonov, A.A.* (1898). O deyatelnosti Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1897 godu. [On the activities of the Turkestan department of the Russian geographical society in 1897]. *Izvestiya Turkestanskogo otdela RGO.* 2: 51-68. [in Russian]
- Smesova, 2010** – *Smesova, Ye.A.* (2010). Russkie dukhovno-kul'turnye uchrezhdeniya v Turkestane (XIX – nachalo XX vv.). [Russian spiritual and cultural institutions in Turkestan (19th – early 20th centuries)]. Tashkent. 186 p. [in Russian]
- Tolstov, 1948** – *Tolstov, S.P.* (1948). Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes] M. 327 p. [in Russian]

Turkestanskiye vedomosti, 1902 – *Turkestanskiye vedomosti*. 1902. № 18.

Urakov et al., 2024 – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

Veselovskiy, 1906 – *Veselovskiy, N.I.* (1906). Otchet o deyatel'nosti Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkhologii za 1905 god. Protokoly TKLA [Report on the activities of the turkestan circle of archaeology lovers for 1905. Minutes of the TKLA]. Tashkent. 36 p. [in Russian]

Zapiski TTO IRGO, 1872–1910 – *Zapiski Turkestanskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Turkestan Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Tashkent, 1872–1910]. Tashkent, 1872–1910. [in Russian]

Развитие научных исследований и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Юлдуз Алимовна Эргашева ^{a,*}, Хуршид Отакулович Хосиятов ^a, Бахром Негматович Узаков ^b, Фахриддин Уралович Самаров ^c

^a Каршинский государственный технический университет, Республика Узбекистан

^b Шахрисабзский государственный педагогический институт, Республика Узбекистан

^c Каршинский международный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу становления и развития науки и научных учреждений Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX века — в период активной интеграции региона в административное и интеллектуальное пространство Российской империи. В центре внимания находятся институциональные формы научной деятельности, механизмы взаимодействия колониальной администрации с академической средой, а также вклад русских и местных ученых в формирование регионального научного пространства. На основе архивных материалов, включая документы научных обществ, отчёты экспедиций, служебную переписку и статистические обзоры, дополненные опубликованными трудами отечественных и зарубежных исследователей, реконструируются основные направления научных исследований, включая географию, этнографию, археологию, историю и естественные науки. Особое внимание уделяется деятельности научных обществ, прежде всего Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества, а также роли экспедиционной практики в накоплении и систематизации знаний о регионе. Показано, что местные ученые выступали не только информаторами, но и активными участниками научного процесса, внося значительный вклад в сбор, интерпретацию и сохранение научных данных. В статье делается вывод о том, что развитие науки в Туркестанском крае представляло собой результат взаимодействия имперских научных инициатив и локальных интеллектуальных традиций, что способствовало институционализации научных исследований, формированию целостной научной инфраструктуры, заложив основы для дальнейшего развития науки в Центральной Азии и её включения в общеимперское и международное научное пространство.

Ключевые слова: Туркестанский край, наука, статистические комитеты, археологические общества, библиотека, имперская модернизация, научная инфраструктура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yuae63@gmail.com (Ю.А. Эргашева), xurshid3107@gmail.com (Х.О. Хосиятов), uzakovbn@gmail.com (Б.Н. Узаков), samarovfahriddin07@gmail.com (Ф.У. Самаров)